

И. В. ЛУЧИЦКИЙ КАК ИСТОРИК РЕФОРМАЦИИ

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 сентября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается вклад профессора Киевского университета И. В. Лучицкого в изучение истории Реформации. В научной и преподавательской деятельности он обращался к этому историческому периоду, сыгравшему важную роль в последующем развитии Западной Европы, создал оригинальную концепцию европейской Реформации. Это направление его исследований ранее не становилось предметом специального рассмотрения.

Ключевые слова: российская научная мысль, история Нового времени, Реформация, политическое и экономическое развитие Европы.

Abstract: the article is concerned with the ideas of Russian scientist in the main problem of European history of the XVI century – Reformation. This scientist is well known with his political and economic researches. It is the first elaboration of this subject.

Key words: Russian scientific thought, history of the main problem of early Modern history of Europe, Reformation, political and economic development of Europe.

В октябре 2017 г. исполнилось 500 лет с начала Реформации, процесса, открывшего дорогу множественности церковью западного христианства. Во второй половине XIX в. российские ученые, изыскания которых были связаны с проблемами истории Нового времени, считали Реформацию господствующим явлением в жизни Западной Европы XVI и XVII вв. и выступали против весьма распространенного в России взгляда на Новую историю, в основе которого лежало противопоставление Западной Европы России, развивающейся по иным законам и не имеющей ничего общего со «всеми этими революциями да реформациями, чуждыми русской жизни» [1, с. 7].

Цель данной статьи – рассмотреть созданную И. В. Лучицким концепцию реформационного движения, в основе которой лежало представление о том, что «действия людей в значительной степени определяются образом их мыслей в известную эпоху» [2, 1869, № 1, с. 15].

Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918) – видный российский историк, один из основателей «русской школы» в изучении истории Нового времени [3, с. 188]. С 1869 по 1908 г. он преподавал в Киевском университете, его учениками были Д. М. Петрушевский, В. К. Пискорский, Е. В. Тарле [4, с. 273]. В связи с 50-летием научной деятельности И. В. Лучицкому посвящен отдельный номер «Научного исторического журнала» [5]. Автором некрологов стал профессор Петроградского университета Н. И. Кареев [6–8].

Историографические оценки творчества И. В. Лучицкого даны в работах ряда советских историков.

Исследователи научного наследия Лучицкого, подходившие к нему с марксистскими мерками, анализировали главным образом труды по истории западноевропейской общины и истории крестьянства накануне Французской революции 1789 г., принесшие ученому мировую славу и признание [9]. Б. Г. Вебер, предпринявший попытку рассмотреть взгляды киевского профессора на проблемы Реформации и религиозных войн во Франции XVI в., основное внимание сосредоточил на критике взглядов И. В. Лучицкого, недооценивавшего роль широких народных масс в ходе реформационного движения и религиозных войн во Франции XVI в., в революционном преобразовании западноевропейского общества в целом [10; 11].

Источником раскрытия темы послужили ранние работы И. В. Лучицкого, посвященные истории реформационного движения XVI в., – диссертация на право чтения лекций, текст пробной лекции и магистерская диссертация.

Уроженец г. Каменец-Подольска, сын учителя гимназии, Иван Лучицкий в 1862 г. поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Основанный в 1834 г. после подавления польского восстания 1830–1831 гг. для содействия русификаторской политике самодержавия, университет этот, называвшийся официально «Университетом святого Владимира», неоднократно подвергался в дальнейшем репрессиям, которые долго не давали ему окрепнуть. После 1863 г. из профессоров-историков в университете остался лишь А. И. Ставровский (1809–1882), преподававший с 1837 г. и всеобщую, и русскую историю. В основе читаемого им курса всеобщей истории лежал учебник Лоренца, дополненный Гереном [12, с. 620]. По отзывам современников,

лекции А. И. Ставровского не пользовались популярностью у слушателей [13, с. 436]. Ни о каком серьезном научном руководстве не могло быть при таких условиях и речи, и И. В. Лучицкому оставалось впоследствии утешаться тем, что «чем меньше руководства, переходящего нередко в опеку, тем больше простора для мысли, для самостоятельной работы, тем оригинальнее мысль и тем больше есть шансов оставить свой след в науке» [14, с. 45]. Предоставленный самому себе, И. В. Лучицкий в студенческие годы много читал, увлекался трудами ряда историков, но особенно сильное влияние оказал на него О. Конт, позитивистско-эволюционистские теории которого начали вытеснять тогда навеванные Гегелем идеи диалектического развития общества, активно разрабатывавшиеся русской исторической мыслью предшествующих десятилетий [там же, с. 46–48]. Мирозрение будущего ученого сформировалось в 1860-х гг., господствующим настроением было его «резко отрицательное отношение ко всякой нетерпимости, к притязаниям на господство над совестью». По свидетельству его ученика Е. В. Тарле, Лучицкий говорил впоследствии, что сфера свободы совести и научного исследования более занимала поколение начала 1860-х гг., нежели, например, вопросы чисто политические.

В 1866 г. И. В. Лучицкий окончил университет и был оставлен на два года стипендиатом для подготовки к профессуре, а в 1868 г. сдал магистерский экзамен и приступил к научной, а вслед за тем и преподавательской деятельности в Киевском университете. В 1868–1869 гг. в киевских «Университетских известиях» печаталась его работа «Адам Фергюсон и его историческая теория», задуманная первоначально как диссертация на право преподавания в университете в качестве приват-доцента и отразившая позитивистские черты исторической методологии молодого ученого [2].

С позитивистских позиций подходил И. В. Лучицкий и к предпринятой им после окончания университета большой исследовательской работе по истории реформационного движения и религиозных войн во Франции XVI в. Уже в 1870 г. он выпустил второй и окончательный вариант своей приват-доцентской диссертации – «Гугенотская аристократия и буржуазия на юге Франции после Варфоломеевской ночи», ставшей своего рода кратким введением к его капитальным трудам по истории религиозных войн.

Общий подход исследователя к этой теме на раннем этапе ее разработки нашел тогда же, в 1870 г., отражение в его пробной лекции «Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям XVI века» [15]. Характерной чертой работ И. В. Лучицкого, как и других российских историков, рассматривавших проблемы евро-

пейской Реформации в 60-х и 70-х годах XIX в., – М. Н. Петрова и В. В. Бауера, было резко отрицательное отношение к феодализму, который он отождествлял главным образом с пережитками и традициями феодальной раздробленности, с «насилием феодалов», с господством «дворянства, давившего и грабившего крестьян» и отличавшегося к тому же в своем большинстве «грубейшим невежеством» [там же, с. 8–9]. Подобно другим российским историкам, своим современникам, И. В. Лучицкий идеализировал «среднее сословие» с его «стремлением к миру, к установлению народного благосостояния на прочных основах, к ограждению труда от грабежа феодалов».

Вслед за О. Тьерри, на которого он в этой связи ссылаясь, И. В. Лучицкий приписывал «среднему сословию» XVI в. «чувство глубокой справедливости, ясное сознание общественной пользы, любовь к порядку и инстинктивное стремление к реформам». Программу «среднего сословия» он сводил к «ограничению власти духовенства и дворянства», к «устранению политики, основанной на нетерпимости», к «работе над улучшением экономического положения страны», к «созданию национальной церкви соответственно прежним традициям». В его изображении «среднее сословие» являлось «проводником начал мира и гуманности, знания и труда». Все это, подчеркивал Лучицкий, «резко противоречило средневековому порядку, основанному на военной деятельности и пренебрежении к труду». Поэтому дворянство «вполне основательно считало торжество среднего сословия равносильным собственной гибели» [там же, с. 5–6].

И. В. Лучицкий сильно преувеличивал и политические достижения «среднего сословия» во Франции, его еще слабых и незрелых тогда буржуазных элементов, место, удельный вес и роль «среднего сословия» в системе складывавшейся в то время абсолютной монархии. Тот факт, что эта монархия вплоть до окончательного крушения оставалась феодальным в своих основах государством, ученый склонен был игнорировать. Он утверждал, что «недаром во все продолжение XVI века дворянство вопило против захватов, производимых в государстве средним сословием», что уже «в XVI веке в руках среднего сословия... стала сосредоточиваться власть судебная, административная и финансовая». По мнению И. В. Лучицкого, государство тогда уже становилось в той или иной мере органом «среднего сословия», буржуазии [там же, с. 7].

Ученый настойчиво подчеркивал, что «в большинстве своих представителей среднее сословие было проникнуто монархическими чувствами, вышло в усилении государства гарантии своих прав, лучшую опору прогресса». Подобно другим либералам, он полностью солидаризировался с теми про-

грессивными и либеральными в его изображении монархическими идеями, которые он приписывал «среднему сословию» и с которыми тесно связывал все прогрессивное движение изучавшейся им эпохи [там же, с. 10].

На фоне подобного подхода к истории XVI в. Лучицкий и рассматривал в своей лекции взгляды М. Лопиталья, в котором видел «истого сына среднего сословия» [там же, с. 11], и его деятельность в качестве канцлера французской монархии по отношению к религиозным партиям того времени. Оценка И. В. Лучицким феодализма, «среднего сословия» и монархии более или менее совпадала с оценкой их его старшими современниками М. Н. Петровым и В. В. Бауером. Общим с ними был и подход Лучицкого к Реформации в том отношении, что и он преодолел конфессиональную точку зрения на религиозные движения XVI в., все еще тяготевшую даже во второй половине XIX столетия над многими западноевропейскими историками Реформации – католиками и протестантами. Вместе с другими российскими учеными киевский историк стремился вскрыть реальный социально-политический смысл религиозной борьбы изучавшегося им периода, социальные и политические мотивы участвовавших в ней сословий.

Понимание И. В. Лучицким Реформации отличалось, однако, и существенными особенностями. Особенности эти связаны были с его переходом на позиции позитивизма и отходом от диалектической трактовки развития, все еще свойственной в той или иной мере его старшим современникам. В общую постановку проблемы Реформации Лучицкий вносил субъективно-оценочный критерий своего отрицательного отношения ко всякой нетерпимости. Этот критерий он стремился соотнести с периодом резкого обострения социальной борьбы во всех ее формах и видах, порождавшего, естественно, крайнюю нетерпимость. Тем самым он лишал себя возможности оценить по достоинству то новое, что при всей сложности и противоречивости несла с собой Реформация.

В центре внимания И. В. Лучицкого оказывалось внешнее, формальное сходство между католицизмом и Реформацией. На первый план выдвигались слабые стороны Реформации, ее историческая и социальная ограниченность, – все то, что связывало ее со старым миром и что использовали в ней реакционные элементы там и тогда, где и когда они брали верх над прогрессивными тенденциями реформационного движения.

Признавая за Реформацией значение лишь «чисто разрушительного фактора» в борьбе против «сильнейшей опоры средневекового порядка вещей, папства», Лучицкий подчеркивал, что «она разрушала формы, почти не трогая сущности, и в своей деятельности опиралась на начала, вполне сходные с теми,

на которых был построен средневековый режим». Общность этих начал он видел в той же, что и у католиков, нетерпимости деятелей Реформации к чужим мнениям, в запрещении отступать от раз принятой формулы. «Недаром, – указывал он, – Женева, например, получила название нового Рима, а Кальвин – имя папы» [там же, с. 2]. «Женевским папой» Лучицкий назовет Ж. Кальвина и в своей монографии «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» [16, с. 93].

И. В. Лучицкий утверждал, что во всех странах, куда удалось проникнуть Реформации, она соединялась с реакционными, аристократическими элементами. В подтверждение этого тезиса он ссылаясь не только на пример Франции, где подобная тенденция на определенном этапе проявлялась действительно очень сильно. «Застой умственный был непосредственным результатом ее водворения», – со всей категоричностью заявлял Лучицкий, закрывая глаза на все, что этому противоречило.

С резким и решительным нападением Реформации на католицизм И. В. Лучицкий связывал активную его самозащиту, усиление влияния католицизма в оставшихся верными ему европейских государствах и упрочение здесь средневекового порядка вещей, что привело Испанию, в частности, к «страшному падению».

Непосредственным результатом Реформации явилось, считал И. В. Лучицкий, разделение всей Европы на два лагеря. Каждое из европейских государств было поставлено перед дилеммой: остаться католическим государством и уравниваться с Испанией или стать протестантским и обречь себя на временный застой, как характеризовал он тот безысходный тупик, в который, по его мнению, завела Европу Реформация [15, с. 3]. Опираясь на субъективный критерий, на свое отрицательное отношение к нетерпимости, Лучицкий давал, таким образом, весьма негативную оценку всей Реформации, а отнюдь не только французского, гугенотского ее варианта.

В реальной исторической действительности основой широкого и бурного реформационного движения XVI–XVII вв. было резкое обострение всех противоречий тогдашнего общества, кризис всей старой феодальной системы в Европе. В этих условиях Реформация служила знаменем массовых антифеодальных выступлений. Она сопровождалась вместе с тем внутренними столкновениями в рядах феодалитета, международными конфликтами и войнами. Таков был сложный и противоречивый процесс развития Европы на исходе Средних веков, на грани Нового времени, в период подъема реформационного движения. К пониманию прогрессивного характера этого процесса вплотную подходили старшие современники Лучицкого – М. Н. Петров и В. В. Бауер,

исходя из диалектического понимания ими истории. В отличие от них И. В. Лучицкий отвергал с позиций позитивистского эволюционизма диалектический характер развития, и это сказывалось на всем его подходе к проблеме Реформации.

Действительно, реальному ходу истории реформационного движения Лучицкий пытался противопоставить концепцию мирного и спокойного пути развития, и все, что противоречило этой схеме, что не укладывалось в нее, изображалось им как досадное отклонение от прямого пути прогрессивного развития, как временная задержка движения вперед, как проявление реакции в различных ее видах. Такова основная тенденция лекции И. В. Лучицкого о Лопитале.

Согласно взглядам Лучицкого, Франция стояла в XVI в. перед той же дилеммой, что и другие европейские страны, ибо и «в ней обе партии, и католическая и протестантская, боролись за преобладание, обе были одушевлены страстным желанием завладеть безраздельно Францией». Преимуществом Франции было, однако, в глазах исследователя то, что рядом с этими партиями здесь существовала «особая партия, находившая последователей и в других странах, но там не достигшая той силы, того значения, какое она имела во Франции». И. В. Лучицкий утверждал, что «эта партия, или, правильнее, это направление, обладала всеми достоинствами реформационного движения, не усваивая себе ни одного из ее недостатков». Возникновение этой третьей «партии» он связывал с борьбой, которая происходила в Европе «между различными сектами», как он называл католиков и протестантов. Ее непосредственную, практическую программу он видел не только в вынуждавшейся обстоятельствами необходимости идти на компромиссы, но и в стремлении, продиктованном принципом религиозной терпимости, установить равновесие между «сектами» путем дарования каждой из них «полной свободы». Лучицкий добавлял, что целью этой партии, этого направления было «устранить религиозные начала из государственной деятельности, поставить государство выше интересов секты и тем направить деятельность государства к разрешению тех новых задач, которые возбудило Новое время, требовавшее полного устранения средневекового порядка».

Лишь за этим направлением И. В. Лучицкий признавал прогрессивный характер, лишь оно, по его убеждению, «в противоположность Реформации... соединялось с теми элементами, в которых коренилось Новое время», и именно к нему «пристало среднее сословие в лице лучших своих представителей». Интерес Лучицкого к Лопиталю и объяснялся тем, что он считал его «полнейшим выражением этого нового движения».

В изображении И. В. Лучицкого «движение» под знаком религиозной терпимости «выходило из кабинета мыслителя и мирным, спокойным путем, едва заметно проникало в жизнь». В отличие от Реформации «оно совершалось без шума, без театральных эффектов, без казней и костров, без битв». Таков общий подход Лучицкого к истории реформационного движения в Европе.

Таким образом, И. В. Лучицкий является создателем своеобразной концепции реформационного движения, во многом превосхитившей понимание проблем Реформации учеными конца XX – начала XXI в. Выдвинутые им идеи, что веротерпимость и свобода мысли, а отнюдь не классовая борьба, являются залогом прогресса, что ранняя Реформация имела разрушительный характер, нашли понимание у ряда современных исследователей, например, в творчестве американского историка У. Монтера, автора многочисленных трудов по западноевропейской истории XVI – начала XVII в. [17, с. 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильевский В. Г.* В. В. Бауер / В. Г. Васильевский // Лекции по новой истории проф. В. В. Бауера, читанные в С.-Петербургском университете : в 2 т. – СПб., 1886. – Т. I.
2. *Лучицкий И. В.* Адам Фергюсон и его историческая теория / И. В. Лучицкий // Университетские известия. – Киев, 1868. – № 9. – Отд. II. – С. 1–27; № 11. – С. 1–47; № 12. – С. 1–22; 1869. – № 1. – С. 1–16.
3. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л., 1929. – Ч. 1, 2.
4. *Гутнова Е. В.* Историография истории Средних веков (середина XIX в. – 1917 г.) / Е. В. Гутнова. – М., 1974.
5. Научный исторический журнал. – 1914. – № 4.
6. *Кареев Н. И.* И. В. Лучицкий / Н. И. Кареев // Известия Российской акад. наук. – 1918. – № 18.
7. *Кареев Н. И.* Памяти И. В. Лучицкого / Н. И. Кареев // Голос минувшего. – 1920–1921.
8. *Кареев Н. И.* Памяти двух историков (В. И. Герье и И. В. Лучицкий) / Н. И. Кареев // Анналы. – 1922. – № 1.
9. *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов / Б. Г. Могильницкий. – Томск, 1969.
10. *Вебер Б. Г.* Начало университетского преподавания новой истории в России. Появление специальных исследований / Б. Г. Вебер // Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. – М., 1960. – Т. II.
11. *Вебер Б. Г.* Историографические проблемы / Б. Г. Вебер. – М., 1974.

12. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета святого Владимира (1834–1894) / под ред. проф. В. С. Иконникова. – Киев, 1894.

13. Шульгин В. Я. История университета святого Владимира за первое 25-летие его существования / В. Я. Шульгин. – СПб., 1860.

14. Тарле Е. В. И. В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863–1913 / Е. В. Тарле // Голос минувшего. – 1914. – № 1.

15. Лучицкий И. В. Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям 16 века / И. В. Лучицкий // Университетские известия. – Киев, 1870. – № 10.

16. Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции / И. В. Лучицкий. – Киев, 1871.

17. Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / У. Монтер. – М., 2003.

Воронежский государственный университет
Афонюшкина А. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения
E-mail: afonyushkina.a@yandex.ru
Тел.: 8 (473) 224-75-10

Voronezh State University
Afonushkina A. V., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Foreign History and the Orient
Studies Department
E-mail: afonyushkina.a@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 224-75-10